

Стилевые приёмы в героическом эпосе «Алтай-Буучай»*

Аннотация. В статье в сравнительном аспекте рассматриваются стилиевые приёмы в вариантах героического эпоса «Алтай-Буучай» с привлечением ряда вариантов, изданных только на русском языке. Известно, что алтайскому героическому эпосу присуща развитая поэтика стилистических приёмов, которые преследуют специальные поэтико-стилевые цели. К числу особенно частых и значительных относится приём *стилевой вариации, подхват* или *анадиплосис* и *усложненная эпитетика*. Даже краткий анализ некоторых стилиевых приёмов в вариантах героического сказания «Алтай-Буучай» позволяет характеризовать их как типичные образцы художественной фактуры устной эпической поэзии алтайцев, которые сохранили свою значимость и ценность по сегодняшний день.

The paper compares the style processes in the different versions of the heroic epic “Altay-Buuchay” with the involvement of different versions published only in Russian. It is known that the evolution of stylistic devices in order to get particular poetic-stylistic effects, is inherent to Altaian heroic epics. The most encountered and significant stylistic devices are *stylistic variation, anadiplosis, and complicated epithetic*. A brief analysis of some stylistic techniques in the different versions of the heroic epic of Altay-Buuchay characterizes them as typical models of the artistic patterns of oral epic poetry of the Altaians. These models conserved their signification and value until now.

Ключевые слова: героический эпос, стиль, вариант, стилиевая вариации, подхват, анадиплосис, усложненная эпитетика.

Heroic epic, style, various version, stylistic variation, anadiplosis, sophisticated epithetic.

УДК: 398.224(=512).

Контактная информация: 649000, Россия, Республика Алтай, г. Горно-Алтайск, ул. Социалистическая, д. 6. НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова. Тел.: +7-913-995-69-40 (моб.); (388-22)2-53-04 (раб.). E-mail: konun1974@mail.ru.

Героический эпос «Алтай-Буучай» бытовал почти у всех этнических групп Горного Алтая. Известно, что в алтайской фольклористике зафиксировано около 20 вариантов этого эпоса. В конце XIX и в начале XX в. героическое сказание «Алтай-Буучай» в различных вариантах издавалось пять раз. Но все они вышли только на русском языке. При всех недостатках первые записи сказания «Алтай-Буучай» представляют для нас исключительный интерес, так как они донесли до нас детали эпоса, которые в более поздних записях этого сказания не могли не подвергнуться каким-то изменениям и переосмыслениям. Ещё один важный момент состоит в том, что эти записи произведены в разных концах Алтая и у разных племён: теленгитов, алтайцев и телеутов.

Впервые на алтайском языке сказание «Алтай-Буучай» было опубликовано в 1941 г. в сборнике героических сказаний Н. Улагашева «Чёрчэктёр». Далее, уже во второй половине XX в. С.С. Суразаков, желая продолжить сбор вариантов эпоса «Алтай-Буучай», произвёл записи на магнитофон от А.Г. Калкина, Ч.И. Бутуева, Е.К. Таштамышевой и от других алтайских сказителей.

В данной статье, кроме варианта Н. Улагашева, мы рассмотрим три варианта сказания, записанных и опубликованных С.С. Суразаковым, а также речь пойдёт об ещё одном варианте, записанном повторно через 34 года М.А. Демчиновой на магнитофон от А.Г. Калкина. Запись произведена в 1992 г. Все эти тексты изданы в двуязычном научном издании «Алтай баатырлар» в 2013 г.

Основная цель работы заключается в рассмотрении в сравнительном аспекте стилиевых приёмов в вариантах героического эпоса «Алтай-Буучай» с привлечением ряда вариантов, изданных только на русском языке.

Известно, что алтайскому героическому эпосу присуща развитая система приёмов, которые преследуют специальные поэтико-стилевые цели. К числу особенно частых и значительных относится приём *стилевой вариации*.

По определению А.В. Кудиярова, стилиевая вариация – это «склонность сказителей выражать особо значимую мысль, суждение или художественную подробность параллельной или многократной передачей разными словесно-поэтическими средствами, которая характерна эпическому стилю сибирских тюрков, монголоязычных и ряда других народов» [Кудияров 2002: 77]. Эта стилиевая категория особо выделяет соответствующие места текста, усиливая их смысл, их эмоциональное и эстетическое восприятие. По структуре стилиевая вариация бывает двукратной (или простой), многократной (или

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФНФ, проект № 13-04-00128а «Язык фольклора алтайцев: исследование и составление словаря лексики поэтических текстов».

усложнённой) и трёхкратной. А.В. Кудияров в своей работе также рассматривает «минивариации», «числовые образы вариации», «разложение парного слова» [Там же: 77–114].

В рассматриваемых сказаниях преобладает двукратная вариация, которая является наиболее распространённым типом вариации в алтайской, а также в тюрко- и монголоязычной эпике. По мнению Е.М. Мелетинского, «двучастный параллелизм следует считать основным и первичным» [1968: 42].

Представим несколько тем вариационных параллелизмов в вариантах героического эпоса «Алтай-Буучай». Во вступлении даются первоначальные сведения о богатыре и его жизни до основных событий (описание его эпической страны и характеристика эпического героя).

Эпическая родина богатыря: в вариантах Н. Улагашева и А. Калкина при описании эпической земли Алтай-Буучая используется традиционная в алтайском эпосе параллель *тайга–талай* ('гора–река'):

Айланьп аккан *Ак талайдын*
Аржан-кутук суузын ичкен,
Кайыр башту *Ак тайганын*
Семис анынан адып жиген
Алтай-Буучай журтап жатты.

1. Алты үйелү *ак тайганын*
2. Айан болгон колтыгында,
3. Ылар жылбас *көк талайдын*
4. Кеен болгон жаказында
5. Атту чуулу Алтай-Буучай
6. Журтап жатты.

С водоворотами *Белой реки*¹¹
Целебную-ключевую воду пивший,
С крутой вершиной *Белой горы*
Жирных зверей добывавший
Алтай-Буучай жил

[Алтай баатырлар 2013: 22].

2. У открытого подножия
1. Шестивершинной *белой тайги*,
4. На ровном берегу
3. Медленно текущего *синего моря*
6. Жил
5. Прославленный Алтай-Буучай

[Алтай баатырлар 2013: 94].

В варианте А. Калкина от 1992 г. во вступлении (описание эпической земли богатыря) чувствуется эмоциональная приподнятость повествования, наиболее значимые подробности варьируются сказителем. Здесь вариативные описания выстраиваются в цепочку, и это придаёт тексту картинность, красочность.

Озо-озо, озо тушта,
Отурган калык жок тужунда,
Эрте, эрте, эрте чакта,
Эмди бистер жок тужунда,

Жер-тенери белтиринде,
Јети тайга колтугында
Жер карабас тайгалу,
Јетен айры талайлу,

Агар-акпас ак талайдын
Айан болгон јарадында,
Јылар-јылбас көк талайдын
Меес болгон белтиринде,

Тоолоп болбос мал кабырган,
Тоозын билбес јон башкарган,
Каранадый мал малдаган,
Кара агаштый јөөжө ээлеген,

Темтен-тумган базыту,
Темичи-Күрен јакшы атту,
Алтай-Буучай батыр
Алтынан бойы журтады.

В давней-давней давности,
Когда ныне живущего народа не было,
В раннем-раннем, раннем веку,
Когда нас, теперешних, не было,

В схождении земли-неба,
В подмышке семи гор
С горой, где нельзя охотиться,
С рекой с семьюдесятью извилинами,

На открытом берегу
Еле-еле текущей белой реки,
На солнечном берегу
Тихо-тихо текущей синей реки,

Несметный скот державший,
Бесчисленным народом правивший.
Как [чащи] акации, скот державший¹²,
Как густой лес, богатства хозяин,

С размеренным-ровным шагом
Доброго коня Темичи-Кюрен имеющий
Алтай-Буучай богатырь
Сам по себе жил

[Алтай баатырлар 2013: 302].

¹¹ *Талай* (букв. 'море') – эпическое название большой реки.

¹² Типичное для эпоса сравнение, подчеркивающее богатство богатыря – многочисленность, разнообразие его скота. Акации – быстро разрастающиеся кустарники, на открытых склонах издали напоминают пасущиеся тучные стада.

Представленные строки, следуя друг за другом, вариативно описывают изначальную землю эпического героя, исконно предназначенную ему, его родные места. Здесь первые четыре четверостишия выступают как бы эпитетом пятого четверостишия, т. е. особую группу эпитетов в алтайском эпосе составляют развёрнутые (пучкообразные) эпитеты-характеристики. Они состоят из простых и сложных эпитетов и обычно даются в зачине повествования, являясь при этом не только художественно-изобразительным, но и композиционным средством. От пятого четверостишия к первому идёт вопрос «когда?», ко второму и третьему – «где?», а четвёртое четверостишие непосредственно связано с пятым. Но в то же время здесь каждая поэтическая фигура выступает как самостоятельная единица, и каждое четверостишие может по отдельности сочетаться с пятым четверостишием. В первом четверостишии мы видим традиционную общеалтайскую эпическую формулу, где прослеживается перекрёстная вариация, т. е. варьируемые стихи находят своё соответствие через строку. Второе четверостишие несёт в себе описательную функцию без варьирования. В третьем и четвёртом четверостишиях мы видим опять перекрёстную вариацию. В третьем четверостишии устойчивыми остаются слова *талай* 'река' и *бол* 'быть', в четвёртом – слово *мал* 'скот', в остальных наблюдается фразовая синонимия, а иногда – синонимия отдельных частей эпической фигуры, например, *агар-акнас / жылар-жылбас* 'эле-эле текущей / тихо-тихо те-кущей'. Пятое четверостишие здесь выступает как определяемое, как бы резюмирует вышесказанное.

По словам А.В. Кудиярова, «в подобных случаях наблюдается не просто сходные формулировки высказанной мысли, а расширение ее содержания, насыщение ее многообразием смысловых и художественных оттенков, дополняющих друг друга в передаче совокупной художественной идеи, единой художественной темы, цельной в своем выражении» [Кудияров 2002: 78–79].

В варианте Е. Таштамышевой при описании эпической земли богатыря сказительница использует антонимичные выражения. Определения слова «гора» («тайга») – «золотая» и «чёрная» также выбраны не случайно, адекватно восточной и западной сторонам эпической земли Алтай-Буучая:

Алтай-Буучай маатыр јаткан.
Кўн чыгыдыны бўркеген
Алтын тайга шибеелў,
Кўн ажыт ньанда
Кара тайга шибеелў.

Жил богатырь Алтай-Буучай.
Заслонив сторону восхода солнца,
Крепостью стояла его золотая гора,
На стороне захода солнца
Крепостью была черная гора
[Алтай баатырлар 2013: 190].

В варианте С. Бутуева особо выделяется красота эпической земли героя:

Кёк чечектў Алтайда,
Кеен сўрлў ۆзۆктө
Ак ла малы болгожын,
Алтай сынын ажынган,
Албатызы болгожын,
Алтын чөлгө јайылган,
Темтен-тумтан базытту
Темичи-јеерен ол атту
Алтай-Буучый јуртай берген.

На Алтае с синими цветами,
В самой лучшей, красивой долине
Белый скот, если о нем сказать,
За хребты алтайских гор перевалил,
А народ его, если о нем сказать,
По всей золотой степи расселился.
С звонким и ровным топотом
На рыжем коне Темичи едзящий
Алтай-Буучай много лет уже жил
[Алтай баатырлар 2013: 254].

Остановимся на традиционной устойчивой формуле описания неуязвимости героя, которая встречается почти во всех алтайских героических сказаниях.

Онын кызарар каны јок,
Онтоп ۆлөр тыны јок.

У него, чтобы покраснеть, крови нет,
Чтобы со стоном умереть, души нет
[Алтай баатырлар 2013: 30].

Өлө беретен тыны да јок,
Өзўп токтоор јажы да јок.

Умереть – души не имеющий,
Пределы летам не имеющий
[Алтай баатырлар 2013: 108].

Кызарып агар каны јок,
Кыйылып ۆлөр тыны јок.

Чтобы краснея пролиться, крови нет,
Чтобы оборвавшись умереть, души нет.

Өзöги онын болот бütкен,
Обчи онын таш бütкен.

От рождения нутро¹³ у него стальное,
От рождения пищевод у него каменный
[Алтай баатырлар 2013: 328].

Разновременные записи от А. Калкина свидетельствуют, что сказитель по-разному оформил одно и то же вариативное описание. В первом случае (вариант 1958 г.) сказитель даёт оригинальное описание неуязвимости богатыря. Во втором случае в первой части видим часто используемую алтайскими сказителями поэтическую формулу, а во второй части – также оригинальное описание, усиливающее и подтверждающее сказанное в начале четверостишия.

В варианте Ч. Куранакова вариативная фигура неуязвимости эпического героя почти идентична с вышеприведённым описанием Н. Улагашева: «В муках умирать у него такой души нет, литься, краснея, у него такой крови нет» [Никифоров 1915: 16].

Идеальный облик, красота эпического персонажа в алтайских героических сказаниях выражается посредством уподобления его небесным светилам (этот приём чаще используется для описания красоты эпической героини). В варианте Н. Улагашева в описании идеального облика героя кроме сравнения с небесными светилами имеется типичное для алтайцев сравнение его подглазий с маральником (местное название багульника):

Эки көс тан чолмондый,
Эки качар кызыл марал.

Два его глаза, как утренние звёзды,
Два его подглазья, как красный маральник
[Алтай баатырлар 2013: 74].

В варианте А. Калкина идеальный облик (лицо) Алтай-Буучая описывается посредством уподобления его луне и солнцу; и в целях идеализации в высшей степени его лик сравнивается с блеском благородных металлов:

Ай кеберлү бу чырайы
Алтын кептү жылтырашкан,
Күн кеберлү бу чырайы
Күмүш кептү мызылдаган.

Луноподобный его лик,
Как золото, блестит,
Солнцеподобный его лик,
Как серебро, сверкает
[Алтай баатырлар 2013: 118].

Здесь золото и серебро, с одной стороны, сказителем выбраны для начальной аллитерации, с другой – благородные металлы выступают в качестве эталона красоты, нетленности и долговечности.

В варианте А. Калкина от 1992 г. идеальный облик героя описан двустилием:

Көргөн көзи тан чолмондый,
Көбөрки бойы су алтындый,

Видящие глаза – как утренние звёзды,
Сам – как из чистого золота
[Алтай баатырлар 2013: 330].

В записи А. Калачева в описании идеального облика богатыря с небесными светилами сравниваются глаза Алтай-Буучая:

Один его глаз ярк, как утренний восход,
Другой, как луна, горит
[Калачев 1896: 493].

Вариативное описание облика Алтай-Буучая после оживления:

Озогызынан он артык чырайлу,
Эртегизинен эки артык ийделү.

Лик его в десять раз лучше, чем прежде,
Сила его в два раза больше, чем раньше
[Алтай баатырлар 2013: 74].

Озогыдан он артык,
Эртегиден эки артык.

В десять раз он крепче, чем прежде, стал,
В два раза сильнее, чем прежде, стал
[Алтай баатырлар 2013: 242].

Озогыдан он дор артык,
Ол дор болуп ол тынданды.
Эртегиден эки артык
Бу ла болуп ол ойгонды.

В десять раз он крепче, чем прежде,
Став, ожил.
В два раза сильнее, чем раньше,
Став, проснулся
[Алтай баатырлар 2013: 142].

¹³ *Өзөк* – в данном случае букв. «брюшная артерия» (при закалывании барана обрывают брюшную артерию – *өзөгин үзер*).

В приведённых эпических стихах вариативно описывается изменение облика эпического персонажа. В основе всех цитат лежит поэтическая формула *Озогыдан он артык / Эртегиден эки артык* 'В десять раз крепче, чем прежде, / В два раза сильнее, чем прежде'. В варианте Н. Улагашева видим уточнение, что изменились именно «лик» и «сила» героя. В варианте А. Калкина наблюдается перекрёстная вариация.

Вариативное описание приготовления к свадебному пиру:

«Тайгаа теннеп эт туралар,
Талайга теннеп араа аслар».

«С гору мясо нарубите,
С море араки наварите»

[Алтай баатырлар 2013: 248].

Тайгачаны јазай берген,
Талайчаны јууј берген.

С гору [мясо] нарубили,
С море [вино] собрали

[Алтай баатырлар 2013: 272].

Во втором примере данные в скобках уточнения «мясо» и «вино» имплицитны: в оригинале этих слов нет. Внесение их в перевод мотивировано такими же устойчивыми описаниями приготовления к свадебному пиру, которые встречаются почти во всех алтайских героических сказаниях.

Из трёхкратных вариаций можно привести вариативное описание приготовления ядовитой араки (вина) для отравления Алтай-Буучая в варианте А. Калкина:

Алтан тажуур аракыга
Ачу корон кожуп ийди,
Јетен тажуур коројонго
Јыду корон кожуп ийди,
Ўделикке бу јетирбей олгүретен
Изү корон бу божотты.

В шестьдесят тажуров араки
Горький яд добавила,
В семьдесят тажууров перегнанного вина
Дурно пахнувший яд вылила,
До полудня чтобы богатырь не прожил, умер,
Жгучий яд спустила

[Алтай баатырлар 2013: 116].

Это трёхкратное вариативное описание, где в первых двестишестидесяти идёт традиционное в алтайском эпосе варьирование числительных *алтан* 'шестьдесят' и *јетен* 'семьдесят', связанных с начальной аллитерацией, а в третьем двестишестидесяти происходит усиление двух первых, подтверждение вышесказанного. Также можно выделить вариацию эпитетов существительного «яд» – *ачу* 'горький', *јыду* 'дурно пахнувший', *изү* 'горячий, жгучий'.

При сличении вариантов сказания выяснилось, что дословные совпадения вариативных фигур очень редки. Сохраняя смысл, они варьируются в разных сказаниях и в пределах одного сказания. Устойчивость же этих вариационных параллелизмов достигается благодаря опорным словам и словосочетаниям, используемым сказителями в описании тех или иных эпизодов в повествовании. В наши дни на основе текстов монголоязычных и тюркоязычных народов глубоко и подробно вопрос об устойчивости и вариативности эпических формул осветила Е.Н. Кузьмина. Она осуществила теоретическую и сравнительную разработку этой проблемы. Для сравнительного анализа она использовала и алтайские материалы. По её словам, «в своей структуре типические места обязательно имеют набор опорных, или ключевых слов, по которым их можно опознать. Эти слова, связанные в устойчивые словосочетания, со временем обрели образный смысл, представляя собой эпические формулы, функционирующие в структуре эпоса как в составе типических мест, так и самостоятельно. "Общие места" очень тесно связаны с поворотами сюжета и как бы маркируют собой важные в сюжетном плане эпизоды героического повествования. <...> Варьирование эпических формул происходит на уровне лексики, использования синонимического ряда, инверсии слов и строк, сокращения или, наоборот, расширения поэтических словосочетаний. Все это сказывается на природе типических мест, которые даже в одном повествовании встречаются много раз то в сокращённом, то в расширенном виде (от одной до нескольких десятков стиховых строк)» [Кузьмина 2005: 5]. Как видим, даже при исполнении одного и того же сказания одним и тем же сказителем через определённый временной интервал они подвержены частичным изменениям. Следует отметить, что сказитель, даже повторяя без изменений какие-то устойчивые формулы, не просто передаёт их как заученные, но как бы заново воссоздаёт, опираясь на эпическую память. При фиксации эпоса нужно учитывать, что на результат исполнения может повлиять и физическое состояние сказителя, и внешние обстоятельства.

Разновременные записи эпоса «Алтай-Буучай» от А. Калкина полностью подтверждают тезис о том, что каждая запись – это результат творческого акта, имеющий самостоятельное значение. Поэтому каждый вариант одного и того же сказания, записанный от одного и того же сказителя, нужно считать самостоятельным произведением.

Следующая интересующая нас стилевая категория – *подхват* или *анадиплосис* (греч.: anadiplosis – «удвоение») – один из видов словесного повтора, а точнее, повтор заключительного созвучия, слова или словосочетания в начале следующей строки или фразы.

По словам А.В. Кудиярова, «якутский эпос и алтайский демонстрируют убывание этой стилевой категории» [2002: 51]. В вариантах сказания «Алтай-Буучай» также наблюдается убывание этой стилевой категории по сравнению с более ранними записями алтайского эпоса. В вариантах А. Калкина и Ч. Бутуева подхват не выявлен. Они исполнены каем под аккомпанемент топшура. В варианте Е. Таштамышевой, который исполнен речитативным сказом, всего два примера подхвата. У Н. Улагашева подхват также очень редок.

В варианте Е. Таштамышевой один пример подхвата имеет глагольный характер, второй представляет собой именной подхват, т. е. подхват имён собственных и существительных. Именной подхват в алтайской эпике – явление весьма редкое, поскольку предложения в алтайском языке, согласно его структурным особенностям, заканчиваются сказуемым. Этот вид подхвата сцепляет последовательные части текста на манер сказового повествования. Приведём именной подхват, который нам удалось выявить в варианте Е. Таштамышевой:

Чойун кара өргөө тур јыт.
Тогзон тундүктү,
Тогзон тогус толукту.
Тогзон тогус толукту
Өргөөзин көрүп,
Камчы-јеерен ат
Арга-бекезин тапий турды.

Чугунная чёрная юрта стоит.
С девяноста дымоходами,
С девяноста девятью углами.
С девяноста девятью углами
Юрту увидев,
Камчи-дьерен конь
Не знает, что предпринять

[Алтай баатырлар 2013: 224].

Здесь мы наблюдаем фразовый подхват, где зависимые от существительного «юрта» слова занимают целую строку.

В тюрко- и монгольязычной эпике подхват носит в большинстве своих проявлений глагольный характер, чем объясняется средоточие его в их фабульной части, повествующей о событиях и действиях, поступках персонажей. Чаще всего конечный глагол подхватывается следующей фразой вместе с зависимыми словами, например:

Эрмен-Чечен *тышкары чыга конды,*
Тышкары чыгы коноло:
«Ба-таа, Алтай-буучай кел јаткан
Ушкуш» – дийт.

Эрмен-Чечен *наружу выбежала,*
Наружу выбежав:
«Ба-таа, Алтай-Буучай едет
Кажется», – говорит

[Алтай баатырлар 2013: 200].

В варианте Н. Улагашева выявлены три *прерывистых подхвата*, т. е. таких, где подхватываемая и подхватывающая фразы могут обособляться друг от друга.

Например:

Јара-Чечен кызына айтты:
«Мен үйде јок тужунда
Боро тайга чыкпа.
Ак талайдын кутук суузына
Эки будун эмди сукпа».
Кызына онойдо јакыйла,
Бай-Чоокур адына минди.

Дочери Дъара-Чечен сказал:
«Когда меня дома не будет,
На серую гору не поднимайся.
В целебную воду белой реки
Ноги не опускай».
Дочери так наказав,
На коня Бай-Чоокур сел

[Алтай баатырлар 2013: 24].

При подхвате сказитель прибегает к глагольной синонимии (выделено полужирным шрифтом), придающей дополнительный художественный оттенок тексту.

Таким образом, можно сказать, что подхват является характерным стилевым приемом для сказительства алтайцев. В становлении его как стилевой категории свою роль сыграла особенность памяти при устной передаче значительного объёма информации. Также повтор слова, а точнее окончания фразы, в начале следующей позволял при исполнении сказания не терять нить повествования, последовательно переходить от одного события к другому, от одной темы к другой, придавая стройность, а местами и торжественную приподнятость изложению.

Ещё одним характерным стиливым признаком в рассматриваемых сказаниях является *усложнённая эпитетика*. Это «особый вид художественной определительности, когда один из эпитетов в определительном ряду уточняет или усиливает другой» [Кудияров 2002: 12]. Например, в варианте А. Калкина:

Јорго јеерен ат

Иноходец рыжий конь

[Алтай баатырлар 2013: 156].

Албыш јеерен ат

Пламенно рыжий конь

[Алтай баатырлар 2013: 158].

У Е. Таштамышевой:

Эрке јеерен ат.

Любимый рыжий конь

[Алтай баатырлар 2013: 212].

У Н. Улагашева:

Јеерен кызыл тўлкў туштаар.

Рыжая красная лисица встретится

[Алтай баатырлар 2013: 48].

Во второй и последней цитате наблюдается распространённый в алтайском эпосе вид усложнённой эпитетики, где один из эпитетов определительного ряда усиливает последующий, выступая, таким образом, определением к определению, а не к определяемому существительному.

В алтайских героических сказаниях эпитеты чаще всего – постоянные, т.е. эпитет и определяемое слово выступают как смысловое целое. Такие эпитеты, раскрывающие наиболее характерный, существенный признак определяемого слова, занимают ближайшее к нему место. В алтайском эпосе существует целая совокупность постоянных эпитетов. Например, в рассматриваемых сказаниях эпитет *јалан* ‘[широкий,] как степь’ выступает как постоянный эпитет существительного *токум* ‘потник’, а более удалённые от определяемого существительного эпитеты *көбөн* ‘хлопковый’, *күве* ‘белый’ (перевод С.С. Суразакова) являются переменными.

В варианте А. Калкина от 1992 г. эпитет *јалан* ‘[широкий,] как степь’ отсутствует, но устойчивым остаётся эпитет *көбөн* ‘хлопковый’:

Көбөн јалан токум салды

Хлопковый [широкий], как степь, потник набросил

[Алтай баатырлар 2013: 158].

Күве јалан токум сал јыт.

Белый [широкий], как степь, потник подстиляет

[Алтай баатырлар 2013: 230].

Ак көбөн токум салды,

Белый хлопковый потник перекинул

[Алтай баатырлар 2013: 310].

В варианте Ч. Бутуева есть фрагмент *Алмас болот ак үлдү* ‘Острая стальная белая сабля’ [Алтай баатырлар 2013: 270], в котором эпитет *болот* ‘стальной’ является устойчивым, постоянным во всей алтайской эпике, а эпитет алмас ‘острый’ – переменным. Вместо него сказители применяют цветовой эпитет *кара* ‘чёрный’ или эпитет *айабас* ‘нетупеющая’. Как, например, у Н. Улагашева: *Кара болот үлдүзиле* ‘Чёрной стальной саблей’ [Алтай баатырлар 2013: 60], у А. Калкина: *Айабас болот үлдүзин* ‘Не тупеющую стальную саблю’ [Алтай баатырлар 2013: 312]. Цветовой эпитет *ак* ‘белый’ в данном случае является дополнительным эпитетом существительного *үлдү* ‘сабля’, который, по нашему мнению, является индивидуальным привнесением сказителя Ч. Бутуева.

Эти конструкции имеют различные функциональные отношения с определяемым словом и между собой. При этом поэтические определения могут характеризовать разные признаки. Например, в конструкции Ч. Бутуева: *белый* – указывает на цвет, *острый* – на качество, *стальной* – на то, из какого материала сделана сабля, но этот же эпитет также выступает в качестве обозначения крепости, нетленности и долговечности. Здесь все эпитеты независимы друг от друга, но один из них может дополнять или непосредственно характеризовать другой в определительном ряду существительного. И лишь в этом качестве соотносится с последним или вовсе с ним не соотносится (в этом и состоит усложнённость эпитетики).

Основную функцию этого стиливого приёма мы бы определили как усиление характеризуемого признака или уточнение того или иного аспекта.

Таким образом, даже краткий анализ некоторых стилевых категорий в вариантах героического сказания «Алтай-Буучай» позволяет характеризовать их как типичные образцы художественной фактуры устной эпической поэзии алтайцев, которые сохранили свою значимость и ценность по сегодняшний день. Согласно характерной для художественной системы эпоса тюрко-монгольских народов канонизированности содержания и поэтической системы, сюжетно-композиционная линия в вариантах сказания «Алтай-Буучай» традиционно начинается с описания земли богатыря, его родовых мест, его коня и т.п. После этого объявляется событие – завязка, за которым выстраивается очерёдность событий, составляющих основное содержание сказания. Каждый вариант предстаёт как сугубо самостоятельный словесно-художественный памятник, несущий в себе перенятую от поколений сказителей-предшественников наполненность содержания, в которой реализуются каноны стиля и поэтики эпоса. У каждого сказителя имеется собственная исполнительская манера и у каждого существует во многом неповторимый лексический словарь и в целом эпический язык, вбирающий и особенности традиционной культуры определённой этнической среды.

Алтай баатырлар (Алтайские богатыри). Горно-Алтайск, 2013.

Баскаков Н.А. Северные диалекты алтайского (ойротского) языка: Диалект черневых татар (туба кизи). Тексты и переводы. М.: Наука, 1965.

Казагачева З.С. Алтайские героические сказания «Очи-Бала», «Кан-Алтын». Аспекты текстологии и перевода. Горно-Алтайск, 2002.

Калачев А. Былина об Алтай-Бучае // Живая старина. СПб., 1896. Вып 3–4. С. 492–499.

Кудияров А.В. Художественно-стилевые традиции эпоса монголоязычных и тюркоязычных народов Сибири. М.: ИМЛИ РАН, 2002.

Кузьмина Е.Н. О систематизации типических мест героического эпоса народов Сибири // Указатель типических мест героического эпоса народов Сибири (алтайцев, бурят, тувинцев, хакасов, шорцев, якутов): Экспериментальное издание. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. С. 5.

Мелетинский Е.М. «Эдда» и ранние формы эпоса. М., 1968.

Никифоров Н.Я. Анонский сборник. Собрание сказок алтайцев с примечаниями Г.Н. Потанина. Омск, 1915.

Суразаков С.С. Героическое сказание об Алтай-Буучае. Исследование и тексты. Горно-Алтайск, 1961.

Суразаков С.С. Алтайский героический эпос. М.: Наука, 1985.

Улагашев Н.У. Чёрчэктёр. Ойрот-Тура: Ойротоблаңиздат, 1941.

Мотив и сюжет

Т.А. Голованева

Сопоставительный анализ вариантов сюжета «Большой Ворон (Куткыннаку) и мыши» в фольклоре оленных коряков (чавчувенов), оседлых коряков (нымылан), ительменов, кереков

Аннотация. Сюжет «Куткыннаку и мыши» является одним из самых популярных на Камчатке. Его бытование зафиксировано у ительменов, береговых коряков (нымылан), оленных коряков (чавчувенов), у кереков. Из пяти выделенных наиболее устойчивыми являются два эпизода – ‘мыши пришивают красные шерстинки к глазам Большого Ворона’ и ‘мыши разрисовывают лицо Большого Ворона’. Этим двум эпизодам присуща очень высокая степень сохранности. Несмотря на то, что быт аборигенных народов Камчатки сильно изменился, приметы древнего времени устойчиво сохраняются в тексте мифологической сказки в настоящее время. В ительменских вариантах, в отличие от корякских, последовательно отсутствует эпизод ‘мыши пришивают к заднице Большого Ворона пузырь’. Вероятно, утрата этого эпизода связана с ранней христианизацией ительменов и приобщением к русской культуре. Варианты, записанные от оседлых коряков, являются наиболее полными по составу эпизодов. Особенностью нымыланских вариантов сюжета является наличие финального эпизода, в котором Большой Ворон находит невесту для своего сына Амамкута. Наименьшая сохранность сюжета наблюдается в текстах кочевых коряков: утрачивается связь между эпизодами, отдельные эпизоды подаются как целостные законченные тексты, состав эпизодов сильно сокращается. Керекский фольклор как явление к настоящему времени полностью исчез.

The plot “The Big Raven (Qutkinnaqu) and mice” is one of the most popular in Kamchatka. Its existence was recorded among the Itelmens, Maritime Koryaks (Nymylans), Reindeer-Breeder Koryaks (Chavchuvens) and the Kereks. Of five selected plots the most resistant to temporal changes are two episodes: ‘mice sew some red hairs to the eyes of the Big Raven’ and ‘mice paint the face of the Big Raven’.